

7—1918 г.

ОТД 576

Цена въ Петр. 30 к., въ Москвѣ, пров. и на с. ж. д. 35 к.

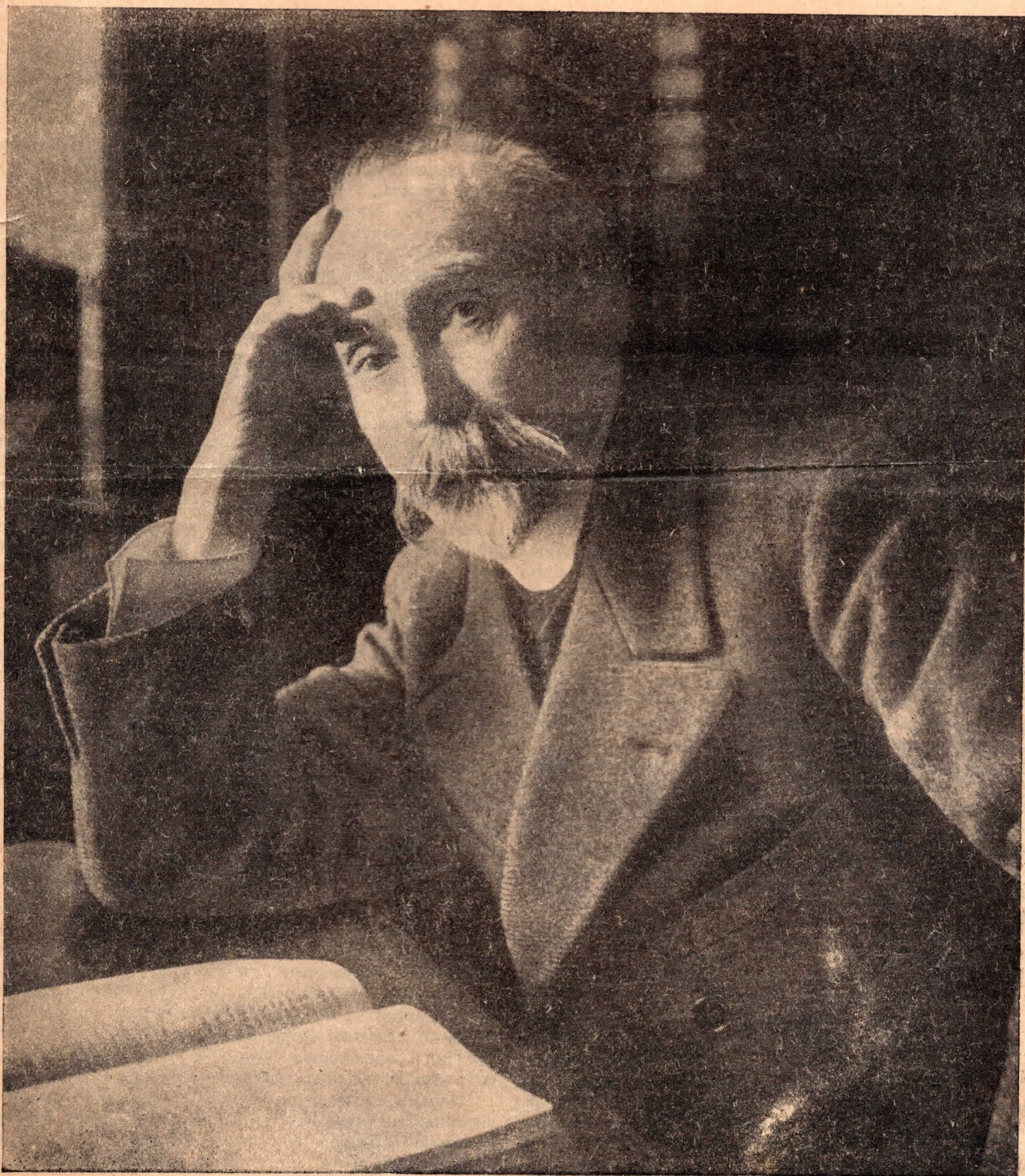
ПЛЕХАНЪ

«ДОМ ПЛЕХАНОВА»

Изданіе 1-е 1919
Колл. листы 68
Листы № 9
Въ пром. 61. 19. 2

ЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

подъ редакціей А. В. ЛУНАЧАРСКАГО.

ПЛАМЯ

ИЗЪ ИСКРЫ ВОЗГОРѢЛОСЯ ПЛАМЯ.

ИЗДАНИЕ ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА РАБОЧИХЪ И КРАСНОАРМЕЙСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

№ 7.

Петроградъ, воскресенье, 16 іюня 1918 года.

№ 7.

Памяти Георгія Валентиновича Плеханова.

Статья А. В. Луначарскаго.

Каждый изъ насъ, русскихъ социаль-демократовъ, чрезвычайно многимъ обязанъ этому человеку. Новое евангеліе, какимъ явился марксизмъ, было именно имъ возвышено для нашей родины. Онъ былъ нашимъ просвѣтителемъ, какъ, согласно легендѣ, Анирей Первозванный для перваго евангелія.

Лично я помню, съ какимъ огромнымъ и радостнымъ волненіемъ читалъ я книгу, подписанную для всѣхъ прозрачнымъ псевдонимомъ—Бельтовъ.

Блестящая по жизненности и ясности идей—она была не менѣе блестяща и по формѣ. Мы читали ее вслухъ, какъ романъ. И я, помнится, прочелъ ее такимъ образомъ вслухъ въ разныхъ кружкахъ гимназистовъ, студентовъ и рабочихъ въ Кіевѣ раза четыре. Даже болѣе скучная книга, направленная противъ В. В., проглатывалась съ тою же радостью.

Это не помѣшало, конечно, очень многимъ изъ насъ, въ томъ числѣ и пишущему эти строки, вскорѣ довольно рѣзко разойтись съ учителемъ.

Мы рады были просвѣщенію, мы, молодежь начала 90-хъ годовъ, но мы не хотѣли отдаваться подъ чей бы то ни было авторитетъ.

У разныхъ группъ молодыхъ русскихъ социаль-демократовъ разногласія съ Плехановымъ происходили по разнымъ линіямъ.

Послѣ побѣдоносныхъ стычекъ его съ народниками, началась борьба съ тѣмъ называемыми „рабочедѣльцами“ и группой такъ называемыхъ „экономистовъ“. Повсюду ѣдкое остроуміе Плеханова, сила его ума, глубокое пониманіе политической и экономической стороны марксизма помогали ему преодолевать то, что можно было назвать дѣтскими ересями нашей партіи.

У меня и моихъ ближайшихъ друзей полемика разразилась по линіи философскаго пониманія марксизма. Она была подчасъ довольно таки ожесточенной, но это, конечно, ни на минуту не колебало всеобщаго въ партіи сознанія, что мы имѣемъ въ лицѣ Плеханова крупнѣйшаго идеолога, подобнаго которому рѣдкая партія второго Интернаціонала имѣла въ своемъ генеральномъ штабѣ.

Я впервые познакомился съ Плехановымъ на одномъ польско-нѣмецкомъ митингѣ въ Цюрихѣ.

Онъ выступалъ послѣ цѣлаго ряда другихъ ораторовъ. Предсѣдательствовалъ Грейлихъ, уже тогда съдой, а въ лунъ и кстати сказать, страшно мало измѣнившійся за эти 22 года. Зато Плехановъ былъ тогда совсѣмъ другимъ—почти юношески стройный, безъ единой сѣдины. Сейчасъ отъ того Плеханова, какимъ я увидѣлъ его въ первый разъ, оставались, незадолго до его смерти, только необычайно живые, строгіе, насмѣшливые и умные глаза.

Грейлихъ, передъ появленіемъ Плеханова на трибунѣ, какимъ то особенно торжественнымъ голосомъ заявилъ: „Теперь будетъ говорить Плехановъ,—слушайте особенно внимательно: онъ будетъ говорить по-французски“.—И меня, тогда совсѣмъ молодого студента, поразила не

столько его элегантная короткая рѣчь, сколько то благоговѣйное вниманіе, съ какимъ слушали этого русскаго эмигранта собравшіеся швейцарскіе и нѣмецкіе рабочіе.

Въ тѣ же времена я часто встрѣчалъ Плеханова у его лучшаго друга и моего непосредственнаго политическаго учителя, Павла Борисовича Аксельрода.

Что за странная судьба ихъ дружбы! Тогда, в 94—95-мъ годахъ, она казалась абсолютно неразрывной. Плехановъ и Аксельродъ: это, казалось, были наши русскіе богатыри-близнецы, на подобіе великановъ Маркса и Энгельса. Но чего не дѣлаетъ съ людьми политика?!—сколько разъ она бросала этихъ людей въ почти прямо противоположные лагеря.

Послѣ раскола нашей партіи на второмъ ея съѣздѣ, Аксельродъ оказался вмѣстѣ съ Мартовымъ во главѣ меньшевиковъ—Плехановъ вмѣстѣ съ Ленинымъ во главѣ большевиковъ. Нѣсколько недѣль спустя, Плехановъ, послѣ ожесточенныхъ стычекъ со своимъ другомъ Аксельродомъ, внезапно перекочевываетъ въ его группу и начинаетъ постепенно все болѣе сердитую войну противъ своихъ недавнихъ союзниковъ. Онъ ведетъ съ меньшевиками одну и ту же линію и въ революціонные годы 5-й и 6-й. Онъ стоитъ, можно сказать, на крайнемъ правомъ флангѣ меньшевизма. Нѣсколько правѣе Аксельрода, не доходившаго никогда, на примѣръ, до политической полемики со своей партіей со страницъ буржуазной газеты.

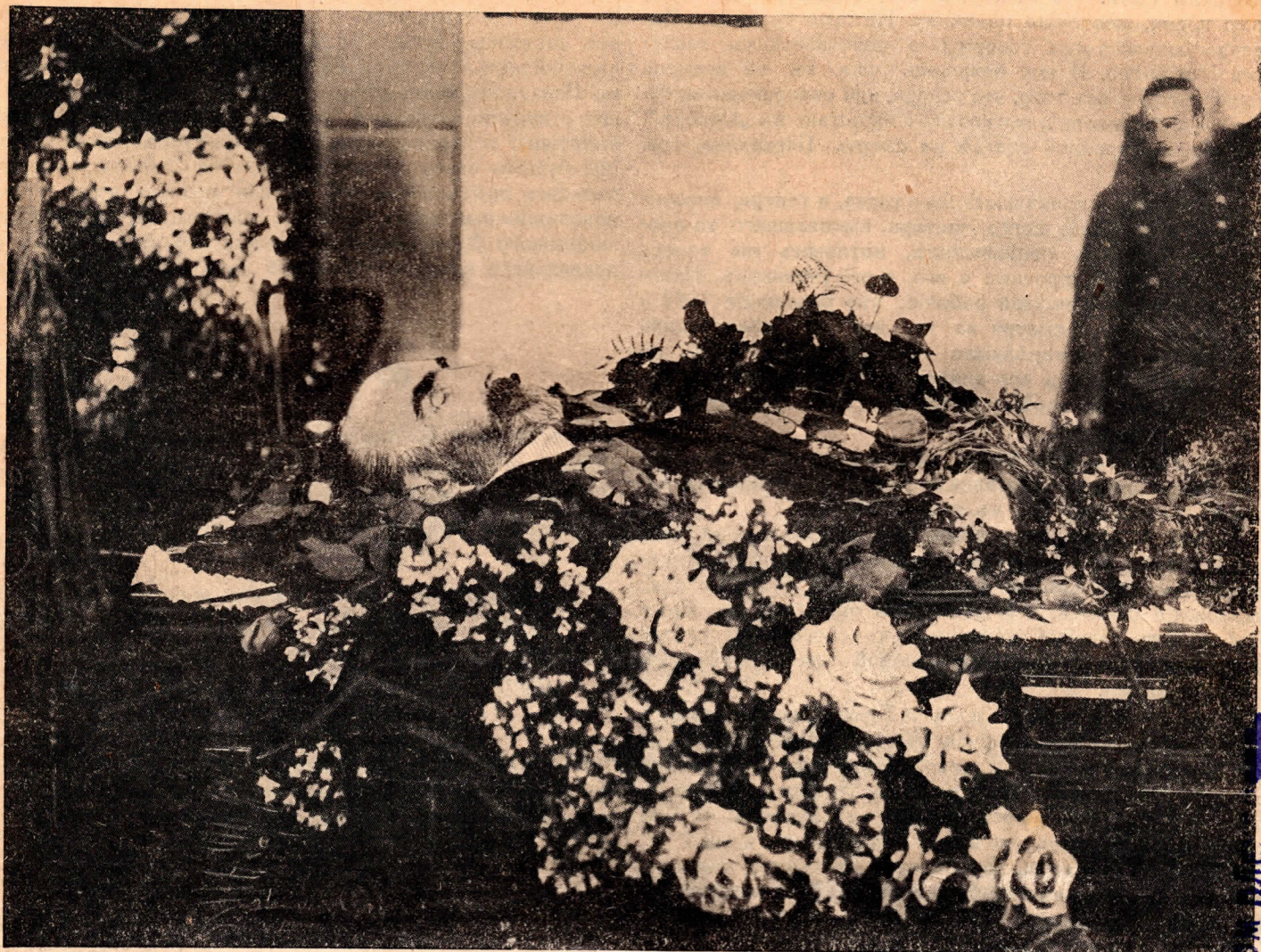
Но проходить нѣсколько лѣтъ, правый флангъ меньшевизма превращается въ такъ называемыхъ ликвидаторовъ, отказывается подъ гнетомъ реакціи отъ нелегальной работы и революціонныхъ традицій нашей партіи. Лѣвый флангъ потворствуетъ этому движенію. Плехановъ бурно возмущается этимъ уклономъ, откалываетъ цѣлую большую группу революціонныхъ меньшевиковъ отъ общаго ихъ теченія и, съ обычной полемической страстностью, атакуетъ „отступниковъ“. Особенно влетаетъ Потресову, котораго Плехановъ преслѣдуетъ положительно безпощадно. Новое столкновение съ Аксельродомъ, и тутъ Плехановъ опять безконечно лѣвѣе своего друга. Объявлена война. Въ меньшевизмѣ иной расколъ: недавніе революціонные меньшевики-Плехановцы заключаютъ неразрывный союзъ съ самыми правыми меньшевиками, съ тѣмъ же, недавно столь ненавистнымъ, Потресовымъ, и составляютъ главный отрядъ русскихъ Соціаль-Патріотовъ, которые, всячески ругая Шейдемана, буквально выполняютъ его роль въ Россіи, и, восхищаясь позиціей Карла Либкнехта, поносятъ изо всѣхъ силъ занявшаго ту же позицію Ленина.

Центръ же меньшевизма идетъ по линіи умѣренного интернаціонализма, въ которомъ Аксельродъ занимаетъ довольно выдержанную линію, и здѣсь новое расхождение между бывшими братьями по оружію; на этотъ разъ Плехановъ уже безконечно *правѣе* Аксельрода.

Если вы, читатель, припомните все это, то вы увидите, какими зигзагами шла политическая дорога Плеха-

Снимки фот. Я. Штейнберга.

Г. В. Плехановъ въ гробу

нова, ничего нѣтъ легче, какъ доказать (и это много разъ дѣлалось), въ какомъ противорѣчii одна къ другой находятся различныя полосы жизни покойнаго писателя, и сколько дано имъ лозунговъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ ужиться рядомъ.

Надо признать: Плехановъ не былъ политическимъ вождемъ. Сверкающе талантливый полемистъ, великолѣпный популяризаторъ, обаятельный ораторъ, недюжинный мыслитель и широко образованный европеецъ, онъ продолжалъ поистинѣ виртуозно первоначальную просвѣтительную работу, а затѣмъ не мало украсилъ своими парадоксами и самой непослѣдовательностью своей историческое теченiе нашей партii, все болѣе, однако, теряясь въ ней *весь* и превращаясь скорѣе въ интересную и нѣсколько капризную одиночку изъ того вождя, какимъ онъ былъ лишь на утрѣ дней Россiйской Соціально-Демократiи.

Возвращаясь ко времени моего наиболѣе интенсивнаго знакомства съ Плехановымъ у Аксельрода, я съ восторгомъ вспоминаю наши длинныя бесѣды и споры на философскія и литературныя темы, во время которыхъ я часто забывалъ задачу, по мѣрѣ силъ сопротивляться собесѣднику и, какъ очарованный, заслушивался этой живописной рѣчью, полной цитатъ, воспоминанiй, метафоръ, словно изукрашенной какой-то многоцвѣтной и многоцѣнной инкрустацiей. Память у Георгiя Валентиновича была необъятной, находчивость — изумительной, и каждый разговоръ съ нимъ всегда обогащалъ васъ, въ то же время давая увлекательное наслажденiе. Миѣ посчастливилось также погостить у него въ Женевѣ. Въ то время Плехановъ много занимался особенно увлекательнымъ и для меня предметомъ — исторiей искусства съ марксистской точки зрѣнiя.

Изъ опубликованныхъ съ тѣхъ поръ статей, не слившихся, къ сожалѣнiю, въ цѣлостный трактатъ, всѣ знаютъ, какъ глубоки и блестящи были идеи покойнаго въ этой области. Его изслѣдованiя судьбы французскаго искусства отъ классическаго вѣка Людовика XIV до конца романтики и начала торжества реализма — является самой блестящей иллюстрацiей правильного примѣненiя Марксистскаго метода къ искусству, какое я только знаю.

Позднѣе мы встрѣчались съ Плехановымъ уже только, какъ противники; судьба сложилась такъ, что я, идя въ общемъ по линiи послѣдовательнаго большевизма, рѣдко находился въ политическомъ контактѣ съ нимъ. Въ философскомъ же толкованiи Маркса мы разошлись безнадежно, и нерѣдко покойный направлялъ въ меня весьма острыя стрѣлы своего полемическаго дарованiя. И письменно, и устно я старался, по мѣрѣ скромныхъ силъ, не оставаться въ долгу. До личнаго ожесточенiя дѣло никогда не доходило. При встрѣчахъ, особенно на конгрессахъ въ Штуттгартѣ, въ Копенгагенѣ, Плехановъ умѣлъ быть чрезвычайно любезнымъ, и удавалось даже порою попрежнему насладиться его художественной бесѣдой.

На международныхъ конгрессахъ Плехановъ выделялся своей барской, но тонко культурной внѣшностью, своимъ чудеснымъ французскимъ языкомъ и всѣмъ импониравшей авторитетностью. Изъ насъ, русскихъ, онъ былъ наиболѣе европейцемъ, и всегда числился въ кругу тѣхъ десяти — двѣнадцати Корифеевъ, которыми международный съѣздъ социалистовъ могъ гордиться, какъ наиболѣе славными своими именами.

Незадолго до войны я получилъ приглашенiе принять участiе въ чествованiи Георгiя Валентиновича, и былъ

М. П. № 5399.
М. П. - ист. 68

польщенъ тѣмъ, что получилъ его, несмотря на нашу, въ то время, жестокою полемику. Надолго товарища Каменева выпало тогда говорить о политическихъ заслугахъ Плеханова. И ему пришлось уже въ тѣ времена сказать многое изъ того, что теперь, при совершенно измѣнившейся обстановкѣ, высказалъ полностью въ „Правдѣ“, въ своей прекрасной статьѣ на смерть Плеханова, тов. Зиновьевъ.

Да, въ этомъ противникъ мы и тогда, и теперь, политически читали прежде всего мастера, выковавшего то оружіе для русскихъ социалистовъ, которымъ мы теперь сражаемся, часто противъ и его, и его учениковъ. Никогда не забудутъ русскіе рабочіе, что революція 1917 и 1918-го годовъ, несмотря на то, что она происходила при порицаніи постарѣвшаго пророка, была, тѣмъ не менѣе, выполненіемъ его знаменитаго пророчества: „Въ Россіи революція побѣдитъ только, какъ рабочая, или вовсе не побѣдитъ!“

Мнѣ было труднѣе тогда, на этомъ чествованіи, ибо мнѣ, философскому противнику Плеханова, пришлось говорить о его заслугахъ въ этой области.

Но какой противникъ смѣлъ бы не признать за нимъ большой роли въ выясненіи основныхъ вопросовъ философіи жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова? Вы можете считать, что Плехановъ ошибался, но самыя ошибки такъ чудесно воплощены въ слово, что становятся заслугами и стройной опорой для дальнѣйшаго движенія мысли.

Перечисливъ труды и заслуги Плеханова въ области теоріи познанія, научной философіи, въ области эстетики, литературной критики, исторіи философіи, я невольно кончилъ свою рѣчь цитатой изъ Ляфарга, который, споря съ Жоресомъ, воскликнулъ: „А все-таки, чертъ возьми, какъ хорошо, что этотъ человѣкъ съ нами.“

Онъ былъ съ нами. Всѣ споры, въ концѣ концовъ, были размолвками: въ концѣ концовъ, мы были членами одной семьи, патріархомъ которой былъ великій Марксъ.

О концѣ жизни Плеханова этого нельзя сказать. Онъ больше не былъ съ нами, проклятая война искалѣчила его. Она убила въ немъ социалистическую душу и подмѣнила ее душой социаль-патриотической. Мы могли относиться къ нему только какъ къ человѣку, тяжело заболѣвшему отталкивающей, общественно-психологической болѣзью.

Зато буржуазія—справа налѣво—отъ Сувориныхъ до Гиппиусъ, признала его своимъ. Это они, вкупѣ и влюбъ съ другими такими же, какъ онъ, больными социалистами, торжественно хоронятъ его теперь. А намъ, его ученикамъ, продолжателямъ той его постройки, которой онъ заложилъ фундаментъ, когда былъ молодъ и мощенъ, — пришлось скромно отойти въ сторону.

Смерть обезоруживаетъ. Древніе говорили: „О мертвыхъ молчи или же хвали“. Это не совсемъ вѣрно, но въ

этомъ есть часть истины. Смерть очищаетъ, какъ огонь. Въ памяти благодарныхъ и благородныхъ она испепеляетъ всѣ достойныя хулы, и оставляетъ только чистое золото немеркнущихъ заслугъ. Пусть они погребаютъ то, что въ Плехановѣ было смертнымъ, плодомъ его слабости и его старости, мы будемъ чтить то, что было въ немъ безсмертнаго и что создалъ онъ въ пору своего расцвѣта. Мы будемъ чтить это вѣское золотое сокровище, не преклоняясь предъ нимъ, но пуская его въ нашъ живой революціонный оборотъ. Такъ почтимъ мы героя Революціоннаго Духа, несмотря на то, что онъ сбился съ правильного пути за нѣсколько лѣтъ до своей смерти.

А. Луначарскій.

ПУТЬ СОЛНЦА.

*Нѣтъ отдыха солнцу — въ движеніи вѣчно.
Засыпало свѣтомъ нашъ стѣверъ оно.
А скоро — движеніе его быстротечно —
Ворвется за моремъ въ другое окно...*

* * *

*„Вставайте, неволи, труда легионы,
Грядите подъ утра великаго сѣнь.
Исторія новые пишетъ законы,
Въ далекой Россіи насталъ новый день.“*

* * *

*Вставайте, титаны, и алое знамя
Развѣйте во мракъ—сомнѣнія прочь...“ —
Ворвется и крикнетъ могучее пламя, —
И черная скроется за моремъ ночь...*

М. Зоревъ.

Похороны Г. В. Плеханова.